

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А

города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 122

30 июня 2026 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. (доверенность от ...) и адвоката М., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 15 января 2026 года № ... (вх. № ... от ...) в отношении адвоката М. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 13 мая 2026 года вынесла заключение о нарушении адвокатом М. пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 2 ст. 8, п. 5 ст. 9, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 24 сентября 2019 года (Протокол № 5) «О допустимых способах реализации адвокатом права на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления, общественные объединения и иные организации с запросом о предоставлении документов и фактических сведений» и Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 08 июля 2021 года «Об адвокатском запросе», выразившемся в направлении в Министерство обороны Российской Федерации адвокатского запроса от 10 сентября 2025 года № 10/2025 о предоставлении характеристики с места работы на Т., в котором адвокат М. в утвердительной форме сообщил о совершении Т. преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, при отсутствии вступившего в законную силу приговора суда, чем нарушил право Т. на презумпцию невиновности, умалил его честь и достоинство, нанес ущерб авторитету адвокатуры и подорвал доверие к ней, нарушил запрет на

включение в адвокатский запрос информации, умаляющей честь и достоинство других участников уголовного процесса, а также запрет на направление адвокатского запроса не исключительно с целью получения информации, носящей строго доказательственный характер, направив указанный адвокатский запрос с целью сообщения получателю адвокатского запроса информации, отрицательно характеризующей Т., включая утверждения о совершении им преступления, чем подорвал доверие к адвокатуре.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. в заседании Совета подтвердила своевременное получение заключения Квалификационной Комиссии, с выводами Комиссии согласилась, просила прекратить статус адвоката М. в связи с грубым и умышленным характером нарушения.

Адвокат М. в заседании Совета подтвердил своевременное получение заключения Квалификационной комиссии, согласился с ним, подтвердил доводы своих письменных пояснений (вх. № ... от ...), в которых признает некорректность формулировок своего адвокатского запроса, однако отрицает, что имел намерение очернить Т. в глазах работодателя, а также подорвать доверие к адвокатуре и ее авторитет.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, заслушав его участников, признает, что Квалификационной комиссией правильно и полно установлены фактические обстоятельства дела, однако с ее выводами соглашается частично и полагает необходимым уточнить формулировку дисциплинарного нарушения как описано ниже.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

Адвокат М. оказывал юридическую помощь А. на основании соглашений об оказании юридической помощи от 24 декабря 2024 года и от 13 января 2025 года. 04 августа 2025 года по заявлению А. было возбуждено уголовное дело в отношении Т. по признакам преступления, предусмотренного п. «д», «е», «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ. В указанном уголовном деле А. имел процессуальный статус потерпевшего, а его интересы представлял адвокат М. на основании ордера от 08 августа 2025 года №

02 сентября 2025 года по уголовному делу была проведена очная ставка между потерпевшим А. и свидетелем Т. с участием адвоката М.

05 сентября 2025 года между адвокатом М. и А. было заключено дополнительное соглашение к Соглашению от 13 января 2025 года. В соглашении предусматривались подготовка и подача заявления о привлечении Т. и Ч. к уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ, а также представление интересов А. при рассмотрении данного заявления.

10 сентября 2025 года адвокат М. направил в Министерство обороны Российской Федерации адвокатский запрос № ... о предоставлении характеристики с места работы на Т., приложив к нему Ордер от 10 сентября 2025 года № Обосновывая необходимость получения характеристики, адвокат М. включил в текст адвокатского запроса следующие утверждения:

«У А. состоялось 2 очные ставки со свидетелями, сидевшими в машине Т., а именно, Т. И. А. (сыном Т.) и Ч. (другом Т.). Оба свидетеля сообщили ложные сведения при допросе и очной ставке. В частности, сообщили, что со стороны А. была применена физическая сила в отношении Т., когда А. подошел к машине Т. В данном случае свидетели занимаются покровительством Т., чем совершили преступление, предусмотренное ст. 307 УК РФ (дали заведомо ложные свидетельские показания)».

11 сентября 2025 года адвокат М. подал в ГУ МВД России по городу Москве заявление о совершении Т. и Ч. преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ.

Приговором В. городского суда Московской области от 26 декабря 2025 года Т. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «д», «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ. В указанном приговоре суд критически оценил показания свидетелей Т. и Ч. о нанесении потерпевшим А. удара Т., признав их в этой части ложными. Апелляционным определением Московского областного суда от 21 апреля 2026 года приговор оставлен без изменения.

Вместе с тем на момент направления адвокатом М. адвокатского запроса от 10 сентября 2025 года № ... отсутствовал вступивший в законную силу приговор суда, которым была бы установлена виновность Т. в совершении преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ. Отсутствует такой приговор и на момент рассмотрения настоящего дисциплинарного производства.

В представлении Главного управления Министерства юстиции по Москве поставлен вопрос о дисциплинарной ответственности адвоката М. за ненадлежащее обращение с адвокатским запросом. Основанием для внесения представления послужило включение адвокатом М. в указанный адвокатский запрос утверждений обвинительного характера в отношении Т. при отсутствии вступившего в законную силу судебного акта, устанавливающего его виновность в совершении преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, что нарушило права Т., умалило его честь и достоинство, а также отрицательно сказалось на авторитете адвокатуры и доверии к ней.

Оценивая профессиональное поведение адвоката М. применительно к выдвинутому против него дисциплинарному обвинению, Совет, прежде всего, отмечает, что само по себе обращение адвоката М. с адвокатским запросом к работодателю Т. о предоставлении его характеристики не может рассматриваться как использование адвокатского запроса в ненадлежащих целях. На момент направления адвокатского запроса Т. являлся свидетелем по уголовному делу, показания которого имели важное доказательственное значение и при этом оспаривались доверителем адвоката М. как заведомо ложные. В связи с этим адвокатом М. в интересах доверителя подготавливались заявление о совершении преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, а также позиция по оценке показаний Т. непосредственно в уголовном деле, по которому они были даны.

При таких обстоятельствах получение сведений, характеризующих личность Т., вне разумных сомнений могло иметь доказательственное значение, в том числе и в силу прямого предписания п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, а также для оценки добросовестности Т. в качестве свидетеля при даче показаний о конфликте с участием его отца Т. По этой причине Совет не может согласиться с выводом Квалификационной комиссии о том, что запрос характеристики Т. не может рассматриваться как доказательственная деятельность адвоката. Вопреки этому выводу Квалификационной комиссии Совет расценивает сам факт направления адвокатом М. адвокатского запроса о предоставлении характеристики Т. как допустимое тактическое решение адвоката и допустимую форму собирания сведений, необходимых для оказания квалифицированной юридической помощи доверителю. В связи с этим Совет полагает необходимым уточнить формулировку дисциплинарного нарушения, приведенную в заключении Квалификационной комиссии, в части утверждения о том, что адвокатский запрос был подан адвокатом М. только с недопустимой целью сообщения получателю адвокатского запроса информации, отрицательно характеризующей Т. Совет полагает необходимым указать, что запрос был подан адвокатом М. не исключительно с целью собирания доказательств, а также и с этой недопустимой целью.

Вместе с тем допустимая доказательственная цель обращения с адвокатским запросом не освобождала адвоката М. от обязанности соблюдать требования закона и профессиональной этики к содержанию такого запроса.

Адвокатский запрос является профессиональным инструментом получения документов и фактических сведений и не может являться способом доведения до адресата утверждений обвинительного и иного негативного характера в отношении каких-либо лиц. Так, в соответствии с п. 1, 3 ст. 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат вправе направлять в органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, официальное обращение по входящим в компетенцию указанных органов и организаций вопросам о предоставлении справок, характеристик и иных документов, необходимых для оказания квалифицированной юридической помощи (далее – адвокатский запрос). Направление адвокатского запроса (адвокатских запросов) не может являться самостоятельным предметом соглашения об оказании юридической помощи.

Требования к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса определяются федеральным органом юстиции по согласованию с заинтересованными органами государственной власти.

Согласно пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан честно, разумно и

добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами.

Однако реализация адвокатом этих профессиональных полномочий не должна приводить к нарушению прав иных лиц, а также к умалению авторитета адвокатуры и подрыву доверия к ней.

Согласно п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре.

В силу п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи, доверителей, коллег и других лиц, придерживаться манеры поведения и стиля одежды, соответствующих деловому общению.

Согласно п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, в любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения.

Согласно ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, а также представляя интересы доверителя в органах государственной власти и органах местного самоуправления, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении.

Согласно п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции.

В соответствии с п. 3 Стандарта подготовки и направления адвокатских запросов, утвержденного XI Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2023 года, разъяснено, что адвокат не должен направлять адвокатский запрос с иными целями, кроме получения информации, необходимой для оказания квалифицированной юридической помощи (<https://fparf.ru/documents/fparf/documents-of-the-congress/standart-podgotovki-i-napravleniya-advokatskikh-zaprosov/>).

Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 24 сентября 2019 года (Протокол № 5) «О допустимых способах реализации адвокатом права на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления, общественные объединения и иные организации с запросом о предоставлении документов и фактических сведений» (Опубликовано в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (<https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/the-decision-of->

the-council-of-the-federal-chamber-of-lawyers-of-the-russian-federation-on-acceptabl/>)) прямо предусмотрено: «Являясь по своей правовой природе публичным полномочием, гарантированным государственно-властным принуждением – публичной ответственностью за неисполнение, адвокатский запрос выступает материальным механизмом, обеспечивающим реализацию конституционно значимой функции по оказанию юридической помощи. Данное полномочие предоставлено лицам, имеющим статус адвоката, исключительно с целью получения информации, носящей строго доказательственный характер – то есть сбора уже имеющихся у адресата адвокатского запроса конкретно определенных сведений, совокупность которых позволит обосновать позицию в интересах доверителя, по вопросам, входящим в компетенцию адресата. С учетом этого использование адвокатского запроса не в связи с оказанием квалифицированной юридической помощи конкретному доверителю или в не предусмотренных законом целях (не для сбора доказательств) недопустимо, так же как недопустим сбор информации следователем или судом вне расследования или рассмотрения конкретного уголовного или гражданского дела...».

Аналогичные разъяснения содержатся в решении Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 08 июля 2021 года «Об адвокатском запросе» (<<https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/reshenie-soveta-federalnoy-palaty-advokatov-rossiyskoy-federatsii-ob-advokatskom-zaprose/>>).

Сопоставляя описанное выше содержание запроса адвоката М. от 10 сентября 2025 года № 10/2025, поданного им в Министерство обороны Российской Федерации, с перечисленными обязательными требованиями законодательства и профессиональной этики Совет признает, что адвокатом М. эти требования грубо нарушены.

Запрос подан М. именно как адвокатом, действующим в защиту прав и интересов доверителя А., с приложением ордера адвоката. При этом адвокат М. включил в текст запроса утверждение о том, что Т. и Ч. сообщили ложные сведения при допросе и очной ставке, покрывая Т., и тем самым совершили преступление, предусмотренное ст. 307 УК РФ. Вопреки пояснениям адвоката М. об отсутствии у него цели опорочить Т. своим запросом, Совет признает, что эти сведения не являлись необходимыми для запроса характеристики Т. и при этом могли быть включены в запрос с единственной целью – довести до работодателя последнего негативные сведения о нем, включая утверждение о совершении им умышленного преступления. При этом адвокат М., являясь профессиональным советником по правовым вопросам, не мог не знать, что в соответствии со ст. 49 Конституции Российской Федерации, ст. 14 УПК РФ каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Совет отклоняет как несостоятельный и надуманный довод адвоката М. о том, что приведенные выше формулировки его запроса не являлись

утверждением, а являлись оценочными суждениями, сформулированными в некорректной форме. По своему буквальному содержанию, не вызывающему никаких разумных сомнений, эти формулировки являются именно утверждением о совершении Т. и Ч. конкретного умышленного преступления в отсутствие вступившего в законную силу приговора суда, которым была бы установлена их виновность в его совершении. Одновременно они свидетельствуют о том, что рассматриваемый запрос был подан адвокатом М. не только с целью получения доказательственной информации – характеристики Т. И.А., но и с недопустимой целью опорочить последнего перед его работодателем – Министерством обороны Российской Федерации, то есть причинить вред его чести, достоинству и деловой репутации.

Ссылки адвоката М. на приговор В. городского суда М. области от 26 декабря 2025 года не опровергают факт совершения им данного дисциплинарного нарушения, поскольку указанный приговор, во-первых, был постановлен после подачи им адвокатского запроса, а во-вторых, не содержит и не может содержать вывода о признании Т. либо Ч. виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ. Критическая оценка судом части показаний свидетелей не равнозначна признанию этих свидетелей виновными в совершении преступления. Всего этого адвокат М., являясь профессиональным советником по правовым вопросам, не мог не осознавать.

Таким образом, подобное использование адвокатом М. адвокатского запроса не соответствует его назначению, определенному ст. 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также требованиям, содержащимся в Решении Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 24 сентября 2019 года «О допустимых способах реализации адвокатом права на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления, общественные объединения и иные организации с запросом о предоставлении документов и фактических сведений» и в Решении Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 08 июля 2021 года «Об адвокатском запросе».

Указанные действия адвоката М. также не соответствуют требованиям честного, разумного и добросовестного осуществления адвокатской деятельности, свидетельствуют о неисполнении им обязанности адвоката уважать права, честь и достоинство других лиц, умаляют честь и достоинство Т., а также наносят ущерб авторитету адвокатуры и способствуют подрыву доверия к ней.

С учетом изложенного, Совет признает презумпцию добросовестности адвоката М. опровергнутой, а его умышленную вину в совершении описанного дисциплинарного нарушения установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката М., Совет учитывает умышленный и злостный характер совершенного им нарушения, свидетельствующий об игнорировании

основополагающих профессиональных требований и сопряженный с причинением вреда как чести, достоинству и деловой репутации третьих лиц, так и авторитету адвокатуры. Такое профессиональное поведение Совет признает недопустимым. Вместе с тем, Совет учитывает, что нарушение совершено адвокатом М. впервые, по существу признано им (хотя и с несостоятельными оговорками). С учетом совокупности указанных обстоятельств Совет предоставляет адвокату М. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения.

Совет также указывает адвокату М. на необходимость неукоснительного соблюдения законодательно установленных профессиональных обязанностей постоянно совершенствовать свои знания, повышать профессиональный уровень и соблюдать решения органов адвокатского самоуправления, принятые в пределах их компетенции (пп. 3 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату М. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 2 ст. 8, п. 5 ст. 9, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 24 сентября 2019 года (Протокол № 5) «О допустимых способах реализации адвокатом права на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления, общественные объединения и иные организации с запросом о предоставлении документов и фактических сведений» и Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 08 июля 2021 года «Об адвокатском запросе», выразившееся в обращении в Министерство обороны Российской Федерации с адвокатским запросом от 10 сентября 2025 года № ... о предоставлении характеристики Т. с места работы, в котором он в утвердительной форме сообщил о совершении Т. преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, при отсутствии вступившего в законную силу приговора суда, чем нарушил презумпцию невиновности Т., умалил его честь и достоинство, нанес ущерб авторитету адвокатуры и способствовал подрыву доверия к ней, нарушил запрет на включение в адвокатский запрос информации, умаляющей честь и

достоинство других участников уголовного процесса, а также запрет на направление адвокатского запроса не исключительно с целью получения информации, носящей строго доказательственный характер, поскольку указанный адвокатский запрос был подан им также с целью сообщения его адресату информации, отрицательно характеризующей Т., включая утверждения о совершении им преступления.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков